

DOI: 10.18503/1992-0431-2019-3-65-72–83

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПРОЦЕССЕ ПО ЖАЛОБЕ ПРОТИВ КОНОНА ЗА НАНЕСЕНИЕ ПОБОЕВ (ДЕМОСФЕН, LIV)

Т.В. Кудрявцева

*Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
tatyanavk@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется одна из лучших речей Демосфенова сборника – речь против Конона за нанесение побоев. Данное сочинение афинского оратора позволяет реконструировать судебный процесс по частному иску. Датировка дела против Конона вызывает дискуссию в историографии, основные точки зрения представлены в статье. Разбирается версия конфликта, которую представляет истец Аристон, и определяется ее уязвимое место: отсутствие свидетельских показаний потенциального главного свидетеля. Исследуемая речь интересна также с точки зрения описания вызова на свидетельскую пытку рабов, предсказуемо отвергнутого Аристоном. На конкретном и ярком примере мы видим, как происходило судопроизводство в Афинах, все его основные составляющие представлены в речи: поведение тяжущихся, их аргументация; свидетели и лжесвидетели; третейский суд; свидетельская пытка рабов; упоминания о многочисленных реалиях (клепсидра, судебный секретарь, урна, камень, на котором произносились клятвы и т.п.). Исходя из поведения участников тяжбы, используемых ими топосов, мы можем понять, чем будут руководствоваться дикасты, вынося свой приговор. Изложением иска Аристона и деталями процесса не исчерпывается содержание речи LIV. Особое очарование вносят восхитительные зарисовки афинской жизни: гарнизонная жизнь, досуг городских обывателей, уличное насилие, врачевание ран и травм, обычай клятвы, молодежные клубы и их предосудительные, порой грозящие общественному порядку и полисным устоям развлечения. Исход процесса неизвестен. Но, учитывая, как увлекательно выстроил фавулу Демосфен, виртуозно использовал все возможные ухищрения тяжущегося, мастерски скомпрометировал противника, позабавил дикастов и в то же время затронул в их душах правильные струны, – с большой вероятностью Аристон выиграл это дело.

Ключевые слова: классические Афины, Демосфен, афинское судопроизводство, речь «Против Конона», тяжущиеся

Данные об авторе: Кудрявцева Татьяна Владимировна – доктор исторических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект РФФИ № 19-09-00183 («Судебный процесс в античности: юридические, политические, социальные и личностные аспекты»).

Перед нами – одно из типичных судебных дел, которые, видимо, в немалом количестве разбирали афинские дикасты. Ссора между афинянами Аристоном и Кононом с компанией привела к подаче иска по обвинению в нанесении побоев. Речь для истца написал Демосфен. Уличные драки – примета и бич обществ не только древних, но и современных, поэтому судебный процесс, известный нам к тому же по великолепной речи великого афинского оратора, предстает увлекательно злободневным.

Принадлежность речи «Против Конона» Демосфену не оспаривается и никогда не оспаривалась¹. С античности и до наших дней это одна из самых любимых и ценимых речей Демосфенова корпуса. Динарха даже обвиняли в плагиате: будто он позаимствовал большие фрагменты из Демосфеновой речи для своей речи «Против Клеомедонта» (Euseb. Praep. Evang. X. 3 – со ссылкой на Порфирия). Античные грамматиканы часто ссылались на речь «Против Конона», а греческие авторы, писавшие об ораторском искусстве, цитировали ее чаще, чем любую другую речь по частному иску². Дионисий Галикарнасский в трактате «О весьма искусном красноречии Демосфена» приводил отрывок из этой речи, на его примере демонстрируя чистоту, правильность, ясность и другие качества совершенного стиля афинского оратора (Dion. Halic. 12–13).

Датировка процесса, на котором разбиралась жалоба против Конона, не ясна³. Аристон рассказывает о своей службе в Панакте, пограничном местечке между Аттикой и Беотией, за 2 года до процесса (Dem. LIV. 3). Демосфен в речи «О преступном посольстве» (343 г. до н.э.) упоминает, что после Филократова мира с Филиппом Македонским и разорения Фокиды афиняне вынуждены были охранять земли рядом с Панактом, «чего никогда не делали прежде, пока были целы фокидяне» (XIX. 326; перевод С.И. Радцига). Исходя из этого, был предложен 343 г. (и ближайшие годы после) как возможная датировка процесса. Некоторые полагают, что Аристон нес службу в 343 г., указывают на 341 г. как на наиболее подходящую дату⁴. Дж. Сандис в обосновании этой датировки обратил внимание на то, что, по словам Аристона, в юности Конон с приятелями носили прозвище «трибаллы» (Dem. LIV. 39). Трибаллы – одно из фракийских племен, отличавшееся, по мнению греческих авторов, необузданностью и грубостью нравов (Isocr. Panath. 227; Alex. ap. Athen. XV p. 671). Соответствующим образом, видимо, веселилась и определенная часть афинской молодежи. В 376 г. до н.э. трибаллы опустошили фракийское побережье, и афинянам пришлось отправить против них свое войско во главе со стратегом Хабрием (Diod. XXV. 36); в те годы название этого племени наверняка было у афинян на устах. Если исходить из того, что Конон тогда был юнцом, то ему исполнилось за 50 в конце 340-х гг.⁵ – тот возраст, который и указан в речи Демосфена (LIV. 22). Впрочем, есть сторонники и ранней датировки речи, допускающие нахождение афинского гарнизона в Панакте еще в 350-е гг.: А. Шефер⁶ связывал его появление с событиями вокруг

¹ Blass 1893, 456.

² Blass 1893, 460; Sandys 1886a, lxiv.

³ О датировке процесса и связанных с ней версиях см., например: Blass 1893, 457; Sandys 1886a, lxiii; Dargan 1970, 121–122; Шишова 1994, 514; Bers 2003, 67.

⁴ Sandys 1886a, lxviii; Forster 1943, 25; Dargan 1970, 88.

⁵ Sandys 1886c, 229.

⁶ Schäfer 1858, 247. Немецкий ученый датировал речь против Конона 356/5 г.

Эвбеи в 357 г. до н.э.⁷; беотийская граница могла охраняться и с началом Священной войны против Фокиды (356 г. до н.э.).

Завязка истории такова. Аристон нес гарнизонную службу в Панакте на беотийской границе, где повстречался с сыновьями Конона, расположившимися в палатке поблизости. Со слов истца, юноши отличались буйным нравом и страстием к пьянству. Их сослуживцы, как и рабы последних, терпели оскорбления и издевательства, но, в конце концов, Аристон и прочие (Аристон использует местоимение «мы» – *παῖδας ἡμῶν, ἡμῶς, ἡμεῖς; etc.*)⁸ пожаловались стратегу. Одна из перепалок чуть было не кончилась дракой, если бы ссорящихся не разняли «стратег, таксиархи и несколько солдат», помешавшие тому, чтобы жалобщикам «причинили непоправимый вред» (LIV. 3 – зд. и далее перевод И.А. Шишовой). Кстати, Габриэль Херман описывает афинское общество IV в. до н.э. как «необыкновенно мирное общество», преуспевшее в навязывании индивиду моральных норм, санкционированных коллективом, который выработал «стратегию минимизации конфликта»⁹. Один из примеров, на которые он ссылается, как раз поведение Аристона в конфликте с Кононом и его сыновьями. Аристон готов претерпеть жестокое оскорбление, но не помышляет о каких-либо незаконных действиях в отместку, а обращается к стратегу – «острая диспропорция между тяжестью оскорбления и мягкостью ответа»¹⁰. Израильский исследователь все же несколько преувеличивал миролюбие и мягкость как Аристона, так и афинского полиса.

Дальнейшие события развивались следующим образом. По возвращении в Афины, предвидя, что «взаимное раздражение и вражда» могут привести к дальнейшему конфликту, Аристон старался держаться подальше от своих недругов (LIV. 4), но однажды вечером, прогуливаясь по агоре с приятелем Фаностратом, наткнулся на Ктесия, одного из сыновей Конона. Тот, будучи навеселе, отправился за своим отцом и дружками, пировавшими неподалеку, «у сукновала Памфила», и вместе с ними вернулся на агору (LIV. 7). Когда две компании встретились, один из друзей Конона держал приятеля Аристона, а Конон с сыном и еще одним собутыльником набросились на Аристона, сорвали с него плащ, а затем, повалив, стали избивать ногами. Истец упоминает разбитую губу и заплывший глаз (LIV. 8). При этом они ругались и богохульствовали (LIV. 9). Прохожие подобрали Аристона, отнесли домой. Его обмыли в бане и вызвали к нему врача, засвидетельствовавшего нанесенные травмы. Через какое-то время Аристон подал жалобу на Конона.

Обратим внимание на некоторые пассажи речи Демосфена, интересные либо с точки зрения реалий судебных тяжб, либо демонстрирующие, что дело о побоях против Конона не столь очевидное, как может показаться.

В начале речи Аристон заявляет, что мог бы выдвинуть против Конона гораздо более серьезное обвинение: «Все мои друзья и близкие, с которыми я совето-

⁷ В 357 г. до н.э. Эвбея, восстав против фиванской власти, обратилась за помощью к Афинам и получила ее, после чего эвбейские города вошли во Второй афинский морской союз. См.: Хаммонд 2008, 544. О том, как афиняне откликнулись тогда на призыв эвбейцев, в речи «О делах в Херсонесе» упоминал Демосфен (VIII. 74–75).

⁸ Аристону важно показать, что не его одного доставали дебоширы: οὐκ ἐγὼ τῶν ἄλλων ἔξω (LIV. 4).

⁹ Herman 2006, 199.

¹⁰ Herman 2006, 156–157.

вался, убеждали меня, что Конон за свои действия подлежит аресту как грабитель и может быть привлечен к суду по обвинению в оскорблении насилием (καὶ τῇ τῶν λωποδυτῶν ἀπαγωγῇ καὶ ταῖς τῆς ὕβρεως γραφαῖς). Но они советовали мне не связываться с делом более серьезным, чем то, которое мне по силам, и не оказаться истцом по делу, не подобающему человеку моего возраста» (LIV. 1). Иск, который Аристон не подал, – в оскорблении насилием (ὕβρεως γραφή) – относился к числу обвинений в государственном преступлении (γραφή); если обвинение по такому иску доказывалось, ответчику грозила смертная казнь¹¹. В отличие от обычных побоев оскорбление насилием подразумевало побои особо унижительные, несовместимые с гражданской честью. Конечно, Аристон удовлетворил бы сполна свое чувство мщения, подав такого рода жалобу, но тут был риск. Если суд не признавал «государственную» жалобу обоснованной, истец мог быть приговорен к штрафу и атимии (если получил менее 1/5 голосов). Как уверяет истец, против Конона можно было также подать апагогэ (заявление) о привлечении к ответственности за грабеж (λωποδυτῶν ἀπαγωγή) – в этом случае дело разбирала бы коллегия Одиннадцати, а вор был бы казнен (Arist. Ath. pol. 52. 1). Иск же, который подал Аристон, – обычная частная жалоба (αἰκείας δίκη): истцу в случае провала ничего страшного не грозило, но и наказание для ответчика в случае осуждения было не столь тяжким: штраф (не более 5000 и не менее 1000 драхм), который выплачивался истцу¹². Правда, последний должен был сам добиваться выплаты – по принципу самопомощи, что было сопряжено с большими трудностями, ибо официальных механизмов принуждения отлынивающего от уплаты, кажется, не существовало. Жалоба подавалась архонту, который проводил предварительное расследование (ἀνάκρισις). Затем от архонта жалоба поступала третьей-скому судье, а если тому не удавалось решить дело полюбовно, то далее – в один из дикастериев. Почему Аристон не подал государственный иск? Он объясняет это молодостью и советом, данным друзьями и родственниками (LIV. 1), а также своим миролюбием и умеренностью (LIV. 24 – ἡμεῖς μὲν ἀπράγμονες καὶ μέτροι φαίνομεθ'), но скорее всего из-за неуверенности в исходе дела. Однако в своей речи он не менее 20 раз произнёс слово ὕβρις, обвиняя своего обидчика именно в этом преступлении: выступая перед судьями, Аристон как бы подменял реальное обвинение в оскорбление побоями (αἰκείας δίκη) на гораздо более тяжкое обвинение в насилии (ὕβρεως γραφή).

Встречу со своим обидчиком Аристон описывает следующим образом: «Я, как обычно, прогуливался вечером по агоре вместе с другом Фаностратом; в это время Ктесий, сын вот этого Конона, в пьяном виде проходил мимо. Заметив нас, он испустил вопль, а затем, разговаривая о чем-то сам с собой, как это делают пьяные, он пошел дальше (LIV. 7)». Как заметила И.А. Шишова, «не исключено, что Аристон, который производит впечатление человека не слишком храброго, но мстительного, ударил Ктесия, пользуясь тем, что тот был один и к тому же сильно пьян»¹³ – отсюда и вопль Ктесия. Возможность того, что Аристон

¹¹ Подробное обсуждение ὕβρεως γραφή со ссылками на источники см. в: Zink 1883, 12–16.

¹² О видах исков (по государственным преступлениям и частные иски – γραφαί и δикаί) и процедуре инициации иска я подробно писала в: Кудрявцева 2008b, 181–188, 201–202; 2013, 207–212. Там же см. ссылки на источники и научную литературу.

¹³ Шишова 1994, 516.

с приятелем первыми напали, допускал и Э. Меншинг, предложивший такой возможный сценарий: некое насмешливое замечание Ктесия задело и спровоцировало Аристона и Фанострата к нападению¹⁴.

Естественно, для истца было важно создать впечатление у судей, что ответчик с подручными начали драку первыми. То, что Аристон кое-что умалчивает, показывает и ситуация со свидетелями. Наш герой впервые упоминает о них, описывая уже последствия драки (LIV. 9), а когда далее он называет имена свидетелей (Пасей, Никерат, Диодор), которые будто бы видели, как Конон бил его, срывал плащ и наносил оскорбления (LIV. 32), среди них мы не видим потенциального главного свидетеля – того самого Фанострата, с которым Аристон прогуливался в момент встречи с Ктесием и которого держал потом кто-то из прибывшей «группы поддержки» во главе с Кононом. Э. Меншинг предположил, что эти свидетели – на самом деле прохожие (*παρὰ τὸν δόμον*), подобранные избитого Аристона, а не очевидцы драки. К тому же все случилось вечером (*ἑσπέρας*) – по меньшей мере, в сумерках или темноте – и резонно возникает вопрос, могли ли очевидцы вообще разглядеть, кто был инициатором потасовки. Едва ли Конон сотоварищи, напавшие по версии истца первыми, позволили бы неким зевакам спокойно стоять рядом и наблюдать, как они, развязав драку, мутузят Аристона¹⁵. Скорее всего, свидетели истца оказались на месте либо уже в разгар драки, либо к ее концу, либо уже после, унеся с поля боя Аристона, т.е. в любом случае они едва ли точно знали, *кто* именно нанес первый удар – а это ключевой момент обвинения против Конона. Показания же Фанострата, присутствовавшего с самого начала инцидента, могли скомпрометировать представленную дикастам версию Аристона, поэтому истец и не позвал того в свидетели.

Аристон утверждает, что после избиения он «был в таком тяжелом состоянии, что не мог ни встать, ни подать голос. Лежа на земле, я слышал, как они долго и скверно ругались <...> [Конон же] там еще и пел, подражая петухам, одержавшим победу, а остальные подбивали его на то, чтобы он хлопал себя локтями по бокам, как крыльями» (LIV. 8–9). Конон – человек по афинским меркам уже пожилой (ему за 50), и живая сценка, как он изображал петуха и кукарекал, несомненно, должна была насмешить судей. М. Даргэн, однако, высказала предположение, что это не просто бахвальство, а некий «клубный ритуал», ибо петушинные бои были весьма популярны среди клубных завсегдатаев¹⁶.

Обвинитель, который говорил первым, не имел возможности ответить на слова обвиняемого и показания его свидетелей; он мог даже не знать, кто именно им будет, поэтому истец старался в своем выступлении предугадать доводы и доказательства противника, пользуясь той информацией, которая у него имелась. Кроме того, о тактике друг друга и собранном материале на предварительном слушании или у третейского судьи узнавали со стороны: это могли быть и слухи, зачастую почерпнутые с агоры, и намеки, и чистые предположения, и догадки, и сведения, полученные каким-то образом из вражьего стана. Аристон предвидит, что Конон попытается выставить весь инцидент как юношескую шалость, проделку, и хо-

¹⁴ Mensching 1963, 311.

¹⁵ Mensching 1963, 308.

¹⁶ Dargan 1970, 94, note 2. Об игре в кости и петушинных боях в афинских клубах см. Calhoun 1913, 61.

чет показать несостоятельность подобных оправданий: «Он попытается отвлечь ваше внимание от обвинения в насилии и от очевидных фактов и постарается обратить все дело в шутку и смешную проделку. Он скажет, что в городе есть много сыновей почтенных родителей, которые, развлекаясь, как то свойственно молодым людям, дают самим себе прозвища: одни – “итифаллы”, другие – “автолекифы”»; что некоторые из них пылают любовью к гетерам и в том числе один из его сыновей, который из-за гетер часто дрался и бывал бит, и что это также свойственно молодым людям. Что касается меня и моих братьев, то нас он собирается представить не только какими-то пьяницами и драчунами, но к тому же людьми жестокими и злопамятными» (LIV. 13–14). В данном пассаже упоминаются юношеские товарищества, или клубы, именуемые «итифаллами» и «автолекифами». «Итифаллы»¹⁷ примерно толкуется как «те, кто исполняет мало-пристойные обряды»¹⁸. «Автолекифам» Дж. Сандис посвятил в своих комментариях к речам Демосфена отдельный экскурс¹⁹. Значение этого слова трудно определить – уже античные грамматик и схолиасты предлагали разные толкования. Буквально – тот, кто несет свой лекиф (сосуд с маслом) сам, т.е. при нем нет раба, который обычно это делал. По мнению комментатора, юнцы таким образом избавлялись от малейшего ограничения, которое могло бы доставить сопровождение раба для их розыгрышей и необузданных эскапад, или принимали вид «более низкой степени респектабельности», чем полагалось им по происхождению, и пользовались этой маскировкой либо как причудой в шутливое удовольствие, либо как прикрытием для оскорбительных и нарушающих общественный порядок действий²⁰. Сандис ставит в один ряд эти гетерии с вышеупомянутым товариществом «трибаллов», завсегдатаем которого в юные годы был Конон, и сопоставляет их с печально известным своей жестокостью и дикими выходками джентельменским клубом XVIII в. «Могавки» (по названию индейского племени)²¹.

Аристон далее в своей речи, оговаривая, что если можно еще проявить какую-то снисходительность к юнцам, специально подчеркивает: Конон ее явно не заслуживает: «Тот, кому уже больше пятидесяти лет, кто, находясь в компании более молодых людей и к тому же собственных сыновей, не только не отговорил их и не удержал, но сам был предводителем и вел себя гнуснее всех, – какое наказание можно считать достаточным для подобного человека за то, что было им совершено?! Думаю, что даже смерть была бы слишком мягким наказанием» (LIV. 21–22). Он прибегает здесь к тактике, часто используемой в афинском суде: при любой возможности дискредитировать противника (см. ниже).

Иск, который подал Аристон, сначала, как полагалось для таких жалоб, попал к диэтегу (третейскому судье). Оратор описывает, как вел себя Конон и его присные во время разбирательства у арбитра (LIV. 26–29). Он обвиняет своих оп-

¹⁷ Словарь «Лиддел-Скотт» переводит ὁ ἰθύφαλλος как «fascinum erectum, the phallos carried in the festivals of Bacchus, Cratin. 14, etc.»

¹⁸ Шишова 1994, 517.

¹⁹ Sandys 1886b, 227–228.

²⁰ Сандис предлагает такие английские эквиваленты: gentleman beggars, amateur tramps, т.е. джентельмен нищих, любитель босяков.

²¹ Sandys 1886c, 230 (комментатор приводит также французские и немецкие параллели). Сравнение упоминаемых в речи «Против Конона» клубов афинских повес и буянов с аналогичными клубами XVIII в. стало общим местом. См, например: Calhoun 1913, 31–32; Forster 1943, 26; et al.

понентов в том, что те затягивали намеренно время, «не соглашаясь ни прочесть свидетельские показания, представленные в их пользу, ни дать их копии, а наших свидетелей они поодиночке подводили к этому вот камню, заставляя приносить клятвы, и записывали то, что не имело никакого отношения к делу, например, что у такого-то был ребенок от гетеры» (LIV. 26). Свидетели подтверждали свои показания перед третьей судье клятвой. Ритуал происходил рядом с камнем, на котором были разложены внутренности животных. Аристотель сообщает, что у камня на агоре приносили присягу и прошедшие докимасию, и диэтеты, когда объявляли свои решения (Ath. pol. 55. 5). По мнению Дж. Сандиса, камень, который упоминается в речи «Против Конона», необязательно «тот самый»: диэтеты выносили свои решения в разных местах (в Дельфиниуме, в Расписной Стои, в гелиэе, в храме, в Гефестионе и т.п.), и «камнем» мог служить как алтарь, так и небольшая платформа или каменная ступень²².

При разбирательстве у диэтета в специальные урны (ἐχίνοι) отдельно для истца и ответчика складывались все, относящиеся к делу показания свидетелей, документы, тексты законов, вызовы. Их запечатывали и, приложив решение диэтета, передавали в суд (Arist. Ath. pol. 53. 2). На суде можно было пользоваться только теми документами, которые были в этих урнах. Видимо, поэтому противная сторона, по словам Аристана, и стремилась выиграть время и помешать запечатыванию урн, пока не представят всех нужных документов.

Аристон рассказывает, что в последний момент разбирательства у третьей судьи противник неожиданно потребовал свидетельской пытки рабов: «для того, чтобы выиграть время и помешать запечатыванию урн, они обратились ко мне с официальным предложением выдать для допроса о нанесенных побоях тех рабов, чьи имена они записали» (LIV. 27). В Афинах свидетельские показания от раба принимались судом только, если были получены под пыткой. Согласие на пытку должны были дать владелец раба и обе стороны, участвующие в процессе; предложение о таком допросе имело форму вызова от одной из сторон (πρόκλησις). Неоднократно (42 раза) встречаются в судебных речах призывы «можешь пытать моих рабов» или «дай мне пытать твоих»; но вот любопытно – сорок раз они были отвергнуты. Два раза в дошедших до нас речах приглашение на пытку было принято, но не осуществлено, так как в последний момент принявшая вызов сторона выдвигала какие-то возражения и выражала несогласие (Isocr. XVII. 15–16; Dem. XXXVII. 42). Возникает вопрос, использовалась ли вообще данная негуманная и сомнительная процедура. Высказывалось предположение, что призыв пытать рабов использовался для того, чтобы быть отвергнутым: например, он навязывался противнику в максимально неудобном или даже оскорбительном виде, задавался вопрос малозначущий, жертвой выбирался какой-нибудь особо доверенный слуга и т.п., а затем этот просчитанный отказ использовался как аргумент в свою пользу в суде, ведь текст предложенного и отвергнутого вызова зачитывался в суде, т.е. свидетельством становилось отсутствие свидетельства²³.

Аристону не хочется давать своих рабов для свидетельской пытки, но он понимает, что его отказ будет использован противной стороной: «И я полагаю,

²² Sandys 1886d, 202.

²³ Я разбираю подробно сюжет о свидетельской пытке рабов в своей монографии, см. ссылки на источники и литературу: Кудрявцева 2008b, 219–224.

что теперь свою защиту они построят главным образом на этом» (LIV. 27). Он приводит свои доводы. Во-первых, ссылается на то, что это был лишь хитрый трюк со стороны противников – потянуть время: они сделали свое предложение ночью, когда третейский судья вот-вот должен был огласить решение (LIV. 27). Во-вторых, Конон мог бы раньше потребовать этих рабов, когда Аристон лежал якобы «при смерти», но уличал перед всеми посетителями своего обидчика: ведь в случае смерти жертвы его родственники могли бы обвинить Конона, и тогда, чтобы избежать наказания в суде Ареопага²⁴, ему нужны были свидетельские показания рабов Аристана. «Но прежде, до того, как была подана жалоба, когда я еще лежал больной, не зная, избегну ли я смерти, и сообщал всем, кто приходил меня навестить, что именно этот человек первым нанес мне удар <...> пусть бы тогда он сразу пришел ко мне домой с большим числом свидетелей, тогда бы передал своих рабов для допроса и призвал бы нескольких членов Ареопага: ведь если бы я умер, это дело разбиралось бы у них» (LIV. 28). Конон же этого не сделал (не принял мер предосторожности), т.е. его целью было не установление истины, а что-то другое – такова здесь логика оратора.

Серьезным аргументом в устах Аристана звучит обвинение Конона в подкладывании свидетельства и в предвзятости выбранных последним свидетелей, показание которых истец сам зачитывает: «Он подкладывает в урну ложное свидетельство и в качестве свидетелей приписывает людей, которых, я полагаю, вы сразу же узнаете, если услышите их имена: «Диотим, сын Диотима, из дема Икаррия, Архебиад, сын Демотела, из дема Галлы, Хайрет, сын Хайремена, из дема Пифос, свидетельствуют, что они возвращались с ужина вместе с Кононом и встретили на агоре Аристана и сына Конона, которые дрались, а также свидетельствуют, что Конон не дотронулся до Аристана» (LIV. 31). Оратор подчеркивает: его собственные свидетели не были с ним знакомы и оказались на месте драки случайно (LIV. 32), свидетели же Конона – его «собутельники и сообщники по многим такого рода подвигам (συμπόται δ' ὄντες τοῦτου καὶ πολλῶν τοιοῦτων ἔργων κοινῶν)», готовые лжесвидетельствовать (LIV. 33). Очевидно, что эти свидетели – завсегдатаи одного и того же клуба, они возвращались с ужина вместе с Кононом (LIV. 31), и заявление нашего оратора об их возможной предвзятости не лишено основания²⁵. Аристон пытается бросить тень и на их репутацию как граждан демократических Афин, намекнув на политическую неблагонадежность: «они напускают на себя мрачный вид и, как они говорят, подражают лаконцам (καὶ λακωνίσειν φασί): носят короткие плащи и простые сандалии» (LIV. 34).

Судя по речам ораторов, лжесвидетельство – явление чрезвычайно распространенное²⁶. Демосфен в качестве мотивов, побуждающих лжесвидетельствовать, отмечает следующие: «побуждаемые или по нужде ради выгоды, или по дружбе, или и по вражде к своим судебным противникам» (XXIX. 22; перевод М.Н. Ботвинника, А.И. Зайцева). Пример словесной эквилибристики, с помощью

²⁴ В случае если бы Аристон умер, дело бы разбиралось в Ареопаге как обвинение в убийстве (φόνος ἐκ προνοίας).

²⁵ Члены одной и той же гетерии (или клуба, как называет подобные товарищества Калхун) нередко оказывали друг другу подобные услуги: см. подробнее Calhoun 1913, 78 (в пример приведены как раз свидетельские показания одноклубников Конона).

²⁶ См.: Кудрявцева 2008b, 213–215.

которой можно извратить суть произошедшего, находим и в разбираемой речи Демосфена: «*Какие-то люди утверждают, что видели, как ты его бил? А мы засвидетельствуем, что ты до него не дотронулся. С него сдернули плащ? А мы покажем, что они это сделали первыми. У него защита губа? А мы скажем, что у тебя была разбита голова или еще что-нибудь*» (LIV. 35).

Аристон предупреждает дикастов, что Конон попытается воздействовать на их эмоции: «*Говорят, что он приведет с собой своих детей и, поставив их рядом, будет клясться ими и произнесет какие-то ужасные и тяжкие проклятья*» (LIV. 38). Тяжущиеся действительно пытались во что бы то ни стало пробудить в судьях жалость и сочувствие и нередко приводили в суд престарелых родителей или малолетних детей. Особенно усердствовали обвиняемые: они могли выставить себя жертвами судебного преследования и уже в силу этого обстоятельства заслуживающими жалости; кроме того, они рисковали гораздо большим в случае проигрыша, чем обвинители²⁷. Судя по тому, как Аристон описывает грядущее появление детей Конона, тот собирался не просто их стенаниями разжалобить судей, а произвести большой эффект: призвать на головы детей некие страшные проклятия, если их отец говорит ложь.

Нападки на оппонента, его очернение (*διαβολή*) входило в обязательный набор приемов судебного красноречия. Значительную часть своей речи Аристон посвящает тому, чтобы всячески опорочить Конона, в ее концовке он вновь оценивает моральный облик своего противника. Он вспоминает, как тот в молодые годы водил дружбу с подозрительными личностями: «*некий Бакхий, которого вы говорили к смерти, и Аристократ, и другие, им подобные, были друзьями юности вот этого Конона; они носили прозвище “Трибаллы”*» (LIV. 39). Оратор приводит колоритную деталь времяпровождения этих «трибаллов»: они «*имели обыкновение пожирать подношения Гекате, а также, собираясь по любому поводу на совместные обеды, они угощались свиными тестикулами, которыми обычно пользуются для очистительных обрядов*» (LIV. 39). Богиня, с которой связывали колдовство и ворожбу, к которой обращались в различных магических практиках, например, составляя таблички с проклятием или заклятием, здесь упомянута неслучайно, как и блюдо из свиных тестикул. Действительно в источниках встречается упоминание о «пире Гекаты»: каждый месяц в новолуние для Гекаты выставлялась трапеза на перекрестке трех дорог²⁸. Судя по Аристофану (Plut. 594–599), бедняки иногда забирали себе эту еду, но, очевидно, она не предназначалась для симпозионов «золотой молодежи». Описанные пиршественные угощения «трибаллов» содержат намек на нечестие²⁹, на презрение к полисной религии, профанацию традиционных культов: это уже не просто шалость несдержанных и нетрезвых молодых людей, а вызов моральным и религиозным устоям полиса.

Дискредитация противника нужна Аристону, чтобы донести до дикастов мысль: для таких людей ничего не стоит принести клятву и стать клятвопреступником. Человек, чтящий традиции и устои, «*не стал бы клясться своими детьми*

²⁷ Подробнее об упрощении судей: Кудрявцева 2008a, 12–16.

²⁸ Sandys 1886d, 214.

²⁹ По словам Калхуна, «трибаллы» устраивали святотатственные пиры (sacrilegious feasts), на которых пожирали «пир Гекаты» (the “feast of Hecate”) и тестикулы свиней, убитых для жертвоприношения при открытии еклесии: Calhoun 1913, 36.

<...> а принес бы клятву согласно обычаю, призвав проклятья на свою голову, на свой род и на свой дом; такой человек безусловно заслуживает большего доверия, чем тот, кто клянется своими детьми» (LIV. 40). То ли дело клятва самого Аристона, которую он торжественно приносит: «Клянусь всеми богами и богинями вам, граждане судьи, и тем, кто здесь стоит кругом, что Конон действительно причинил мне то зло, из-за которого я веду с ним тяжбу: я был избит им, моя губа была так рассечена, что ее пришлось зашить, и я преследую его по суду за нанесенные мне оскорбления <...> Но если я даю ложную клятву, пусть пропаду пропадом и я сам, и все, что у меня есть и что будет» (LIV. 41).

В конце речи Аристон еще раз предупреждает судей, что Конон будет взывать к их милосердию, умолять и плакать (κλαίσει) (LIV. 43), и просит их: «Вы все же посмотрите, кто из нас больше заслуживает жалости: тот, кто претерпел такое оскорбление, какое нанес мне этот человек, да если я к тому же, проиграв мой процесс, уйду отсюда еще более оскорбленный, или же Конон, если он будет наказан?» (LIV. 43). Подобный топос нередко использовали обвинители: они не подвергали сомнению право судей на сочувствие и сострадание, а указывали на то, что именно в данном случае из-за особой злокозненности обвиняемого, или тяжести содеянного, или невероятных страданий жертвы для жалости нет оснований. Аристон предостерегает дикастов: «Если же вы оправдаете его, то таких, как он, будет много, если же накажете, то их будет гораздо меньше» (LIV. 43). Завершает свою речь Аристон еще одним топосом, часто встречающимся в судебных речах: «Я мог бы, граждане судьи, сказать еще многое и о том, какую пользу мы сами и мой отец, пока он был жив, принесли государству и в качестве триерархов, и в армии, выполняя все те обязанности, которые были возложены на нас; я мог бы доказать, что ни сам Конон и никто из его сыновей не имеет таких заслуг» (LIV. 44). Тяжущиеся старались завоевать симпатии судей, вербализируя принятые в обществе представления о «правильном поведении», похвальном с точки зрения полисных ценностей: важно было показать, что они-то этому «моральному кодексу», в отличие он противника, полностью соответствуют.

Речь Демосфена «Против Конона» – не просто один из лучших образцов древнегреческого ораторского искусства. Особое очарование придают ей восхитительные зарисовки – сценки афинской жизни: гарнизонная жизнь, досуг городских обывателей, уличное насилие, врачевание ран и травм, обычай клятвы, молодежные клубы и их развлечения, порой предосудительные и бросающие вызов традиционным полисным ценностям. На конкретном и ярком примере мы видим, как происходило судопроизводство в Афинах – собственно все его основные составляющие представлены в речи LIV: процесс и поведение тяжущихся, их аргументация; свидетели и лжесвидетели; третейский суд; свидетельская попытка рабов; упоминания о многочисленных реалиях (клепсидра, судебный секретарь, урна-ἐχίνοσ, камень, на котором произносились клятвы и т.п.). Исходя из поведения участников тяжбы, используемых ими топосов, мы можем понять, чем будут руководствоваться дикасты, вынося свой приговор. Сможет ли Аристон добиться решения в свою пользу? В его защите есть уязвимые места, прежде всего – отсутствие ключевого свидетеля. Однако, выступая с речью, которую написал для него Демосфен, увлекательно выстроивший фабулу, виртуозно использовавший все возможные ухищрения тяжущегося, мастерски бросивший тень на противни-

ка, позабавивший дикастов и в то же время затронувший в их душах правильные струны, с большой вероятностью Аристон выиграл это дело.

ЛИТЕРАТУРА

- Шишова, И.А. 1994: LIV. Против Конона за нанесение побоев. В кн.: И.А. Шишова (пер.), *Демосфен. Речи*. Т. 2. М., 514–518.
- Кудрявцева, Т.В. 2008а: Тяжущиеся на беме: Речи и поведение сторон в афинском народном суде. *ВДИ* 1, 3–18.
- Кудрявцева, Т.В. 2008: *Народный суд в демократических Афинах*. СПб.
- Кудрявцева, Т.В. 2013: Писцы и секретари в афинском судопроизводстве. *Вестник РГГУ* 17, 205–222.
- Хаммонд, Н. 2008: *История Древней Греции*. М.
- Bers, V. 2003: 54. Against Conon. In: V. Bers (tr.), *Demosthenes. Speeches 50–59*. Austin, 66–80.
- Blass, F. 1893: *Die attische Beredsamkeit*. Bd. III.1. *Abschnitt: Demosthenes*. Leipzig.
- Bonner, R.J. 1905: *Evidence in Athenian Court*. Chicago.
- Dargan, M.F. 1970: *The Interplay of Ethos and Legal Issues in Certain Private Orations of Demosthenes. Diss. for the degree D.Ph.* Ohio.
- Forster, E.S. 1943: Guilty Or Not Guilty? Four Athenian Trials. *Greece & Rome* 12, 21–27.
- Calhoun, G.M. 1913: *Athenian Clubs in Politics and Litigation*. Austin.
- Herman, G. 2006: *Morality and Behaviour in Democratic Athens, A Social History*. Cambridge.
- Mensching, E. 1963: Zu Demosthenes' 54. *RhM* CVI, 307–312.
- Sandys, J.E. 1886a: Introduction to Or. LXIV. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge.
- Sandys, J.E. 1886b: Excursus (C). On the meaning of αὐτολήκυθος (Or. 54 § 14). In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 227–228.
- Sandys, J.E. 1886c: Excursus (D). On the Τριβαλλοὶ of Or. 54 § 39. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 229–230.
- Sandys, J.E. 1886d: LIV. Κατὰ Κόνονον Αἰκείας. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 174–221.
- Schäfer, A.D. 1858: *Demosthenes und seine Zeit*. Bd. III. Leipzig.
- Zink, C. 1883: *Adnotationes ad Demosthenis Orationem in Cononem*. Erlangen.

REFERENCES

- Bers, V. 2003: 54. Against Conon. In: V. Bers (tr.), *Demosthenes. Speeches 50–59*. Austin, 66–80.
- Blass, F. 1893: *Die attische Beredsamkeit*. Bd. III.1. *Abschnitt: Demosthenes*. Leipzig.
- Bonner, R.J. 1905: *Evidence in Athenian Court*. Chicago.
- Calhoun, G.M. 1913: *Athenian Clubs in Politics and Litigation*. Austin.
- Dargan, M.F. 1970: *The Interplay of Ethos and Legal Issues in Certain Private Orations of Demosthenes. Diss. for the degree D.Ph.* Ohio.
- Forster, E.S. 1943: Guilty Or Not Guilty? Four Athenian Trials. *Greece & Rome* 12, 21–27.
- Hammond, N. 2008: *Istoria Drevniy Gretsii [A History of Greece]*. Moscow.
- Herman, G. 2006: *Morality and Behaviour in Democratic Athens, A Social History*. Cambridge.
- Kudryavtseva, T.V. 2008a: Tyazhushchiesya na beme: Rechi i povedenie storon v afinskom narodnom sude [The litigants on the beme: the speeches and behavior of the parts in the Athenian court]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 3–18.
- Kudryavtseva, T.V. 2008b: *Narodnyy sud v demokraticeskikh Afinah [The Popular Court in Democratic Athens]*. Saint Petersburg.

- Kudryavtseva, T.V. 2013: Písty i sekretari v afinskom sudoproizvodstve [Scribes and secretaries in the Athenian courts]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]* 17, 205–222.
- Mensching, E. 1963: Zu Demosthenes' 54. *RhM* CVI, 307–312.
- Sandys, J.E. 1886a: Introduction to Or. LXIV. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge.
- Sandys, J.E. 1886b: Excursus (C). On the meaning of ἀπολήκυθος (Or. 54 § 14). In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 227–228.
- Sandys, J.E. 1886c: Excursus (D). On the Τριβαλλοὶ of Or. 54 § 39. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.), *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 229–230.
- Sandys, J.E. 1886d: LIV. Κατὰ Κόνωνος Αἰκείας. In: F.A. Paley, J.E. Sandys (eds.) *Select Private Orations of Demosthenes*. Pt. 2. Cambridge, 174–221.
- Schäfer, A.D. 1858: *Demosthenes und seine Zeit*. Bd. III. Leipzig.
- Shishova, I.A. LIV. Protiv Konona za nanesenie poboev [LIV. Against Conon for Assault]. In: *Demosten. Rechi II*. T. 2. [In: *Demosthenes, Speeches*.]. Vol.2. Moscow, 514–518.
- Zink, C. 1883: *Adnotationes ad Demosthenis Orationem in Cononem*. Erlangen.

CERTAIN CONSIDERATIONS REGARDING THE LAWSUIT AGAINST
CONON FOR ASSAULT (DEMOSTHENES, LIV)

Tatyana V. Kudryavtseva

State Pedagogical University; Saint Petersburg, Russia
tatyana@yandex.ru

The paper examines one of the finest speeches from the Demosthenic corpus – the speech Against Conon for assault. This work by the Athenian orator allows us to reconstruct the court proceedings regarding a private claim. The dating of the claim against Conon has instigated a discussion in historiography, and the main viewpoints are presented in the paper. The version of the conflict presented by Ariston the complainant is examined, and its vulnerable point, namely, the lack of the pot entail main eyewitness's testimony, is determined. The speech in question is of interest also from the point of view of the description of the challenge to the slave's evidence under torture in Athens, which has been predictable rejected by Ariston. Using this specific and vivid example, we can observe how judicial scrutiny proceeded in Athens, with all of its main components presented in the speech: the behavior of the litigants, their arguments; witnesses and false witnesses; arbitration court; slave's evidence under torture; mentions of numerous historic realities (*clepsydra*, court secretary, an *echinos* urn, a stone where oaths were taken, etc.). Judging by the behavior of the court proceedings' participants and the *topoi* that they use, we can understand what the *dikastes* based their judgment on in adjudication. The content of speech LIV is not limited to the summary of Ariston's claim and the details of adjudication. Lovely sketches of Athenian life add a special charm – garrison life, city dwellers' amusements, street violence, treatment of wounds and traumas, oath-taking customs, youth clubs and their pastimes, which were reprehensible, and sometimes threatened social order and founding principles of the polis. The outcome of the court proceedings is unknown. However, judging by how fascinating the storyline created by Demosthenes is, how artfully he had utilized all the possible gimmicks used by the quarreler, how masterfully he had compromised the opponent, amused the *dikastes* and touched all the right strings in their souls – it is very likely that Ariston had won the case.

Keywords: classical Athens, Demosthenes, Athenian courts, “Against Conon” oration, litigants